

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ И КОММЕНТАРИЯ

Литературный факт. 2026. № 2 (40)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (40), 2026

Научная статья

УДК 821.161.1.1

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-277-290>

<https://elibrary.ru/HEDKBN>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Кто и куда переселялся. Адресат пушкинского «Новоселья»

© 2026, Т.А. Китанина

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются контекст и адресация стихотворения А.С. Пушкина «Новоселье», помеченного в автографе «Москва, 1830». Общепринятым в пушкиноведении стало соотносить эти стихи с покупкой писателем, историком М.П. Погодиным дома князя Тюфякина на Мясницкой, тем более что Пушкин в апреле 1830 г. был у него на новоселье. Однако автор статьи предлагает иное прочтение стихотворения — как поэтический отклик на смерть 20 августа 1830 г. дяди Пушкина Василия Львовича, которого племянник-поэт провожал на «последнее новоселье» на кладбище Донского монастыря. Анализируется место автографа стихотворения в корпусе болдинских рукописей, его поэтика и литературно-биографические переклички.

Ключевые слова: пушкинистика, В.Л. Пушкин, научный комментарий, адресат стихотворного текста, датировка.

Информация об авторе: Татьяна Александровна Китанина — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5867-8090>

E-mail: tkitanina@gmail.com

Для цитирования: Китанина Т.А. Кто и куда переселялся. Адресат пушкинского «Новоселья» // Литературный факт. 2026. № 2 (40). С. 277–290. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-277-290>

НОВОСЕЛЬЕ

Благословляю новоселье,
Куда домашний свой кумир
Ты перенес — а с ним веселье,
Свободный труд и сладкий мир.

Ты счастлив: ты свой домик малый,
Обычай мудрости храня,
От злых забот и лени вялой
Застраховал, как от огня [7, т. 3, кн. 1, с. 221].

«Новоселье», написанное, согласно помете в автографе, в Москве в 1830 году, было опубликовано при жизни Пушкина в альманахе «Сиротка» на 1831 год и вошло в его собрание стихотворений 1832 года. В рукописи оно имеет подзаголовок «К**» (появившийся, судя по цвету чернил и положению в рукописи, до названия «Новоселье», вписанного позднее), в публикации этот подзаголовок отсутствует. Ни в одном из источников при жизни Пушкина адресат «Новоселья» не упоминается. Не назван он также ни в так называемом Посмертном собрании¹, ни у П.В. Анненкова². Если в Посмертном собрании его издатели (в первую очередь, В.А. Жуковский) не комментировали пушкинские тексты, то Анненков, когда мог, старался в примечаниях раскрывать адресатов и общий контекст стихотворений, однако и он не проявил вопроса с новоселом, упомянув лишь, что «послание было написано еще в Москве, как видно по рукописи, где отметка: “1830, Москва” и заглавие: “К **”»³. Первым высказал предположение относительно адресата П.А. Ефремов — он однозначно указал на Павла Воиновича Нащокина, хотя и не привел никаких аргументов в пользу своей атрибуции⁴. Возможно, на мысль о Нащокине его навели слова про «домик малый»: игрушечный дом с миниатюрной мебелью и прочими деталями действительно был любимым детищем и развлечением Нащокина. Также не приведя никаких аргументов в пользу адресации стихотворения Нащокину, повторил эту версию Б.Л. Модзалевский, комментируя переписку Пушкина⁵. В последующих собраниях Ефремова и П.О. Морозова стихотворение печаталось с подзаголовком «П.В. Нащокину»; в комментарии к изданию «Academia» 1936 г. М.А. Цявловский поясняет, что «домашний кумир» — это нащокинский игрушечный домик⁶. Однако едва ли о кукольном домике можно было говорить в кон-

¹ Пушкин А.С. Сочинения. СПб., 1838. Т. 4. С. 231. «Новоселье» здесь помещено в раздел «Антологические стихотворения».

² Пушкин А.С. Сочинения / изд. П.В. Анненкова. СПб., 1855. Т. 2. С. 532.

³ Там же. С. 544.

⁴ Пушкин А.С. Сочинения / под ред. П.А. Ефремова. СПб.: Изд. Я.А. Исакова, 1880. Т. 2. С. 432.

⁵ Пушкин А.С. Письма / под ред. и с примеч. Б.Л. Модзалевского. М.; Л.: Госиздат, 1928. Т. 2. С. 484.

⁶ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 6 т. / под общ. ред. М.А. Цявловского. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 1. С. 777.

тексте новоселья, да и «свободный труд» был Нащокину совсем не свойственен, а от «злых забот» он как раз не смог застраховать свой «домик», поскольку постоянно находился в долгах и в итоге, уже после смерти Пушкина, вынужден был заложить его и так и не смог больше выкупить⁷. Слова «сладкий мир» тоже с трудом были применимы к Нащокину, в 1830 году мучительно переживавшему непростые отношения с жившей у него любовницей-цыганкой Ольгой Андреевной Солдатовой (ему удалось их разорвать только в 1834 г.). Хронологически версия с Нащокиным также вызывает большие вопросы. Первое упоминание о его игрушечном доме в письмах Пушкина датируется декабрем 1831 г., и в этом письме говорится, что дом «отделяется» [7, т. 14, с. 245], так что в высшей степени сомнительно, что Пушкин уже в 1830 г. мог приветствовать какое бы то ни было «новоселье» Нащокина в связи с его «домиком». Помимо всего прочего, Анненков лично общался с Нащокиным в период подготовки своего издания, ссылаясь на его рассказы о дружбе с Пушкиным⁸, однако адресата «Новоселья» ему установить не удалось.

Позже М.А. Цявловский высказал весьма правдоподобную гипотезу о том, что стихотворение могло быть посвящено М.П. Погодину, в апреле 1830 года, в период пребывания в Москве Пушкина, переехавшему в новый дом [9, с. 394–396]⁹. Известна записка Пушкина Погодину, в которой поэт сообщает, что заходил поздравить его с новосельем [7, т. 14, с. 80], известно, что Пушкин был на праздновании новоселья Погодина 29 апреля, где, в числе других участников, сделал приписку к письму Погодина, в котором тот описывал другу С.П. Шевыреву свое счастье в новом доме: «В своем мезонине я теперь царь: ни один звук до меня не доходит, и я, окруженный книгами, имея перед глазами живые картины, занимаюсь всласть» [7, т. 14, с. 82]. При этом, как отметил Цявловский, «сладкий труд»

⁷ Подробно эта история описана в статье: [5].

⁸ «Чрезвычайно любопытны рассказы последнего об образе жизни поэта нашего во время его приездов в Москву, в последние годы его холостой жизни и во все продолжение женатой» (Анненков П.В. Материалы для биографии А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Сочинения. СПб., 1855. Т. 1. С. 216).

⁹ Мысль о Погодине, по-видимому, появилась у Цявловского при подготовке корпуса стихотворений для Академического собрания сочинений Пушкина: в кн. 2 третьего тома, вышедшей в 1949 г., впервые «Новоселье» предположительно датировано концом апреля 1830 г. [7, т. 3, кн. 2, с. 1209], что говорит о том, что оно уже рассматривается в контексте новой гипотезы. В Малом академическом собрании под редакцией Б.В. Томашевского впервые было прямо высказано предположение об адресации стихотворения М.П. Погодину (Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 3. С. 505); статья Цявловского с обоснованием этой версии вышла уже посмертно в подборке его «Заметок о Пушкине» (Звенья. М.: Госкультпросветиздат, 1951. Т. 9. С. 167–169).

и отсутствие «лени вялой» гораздо больше подходили Погодину, чем Нащокину. Эта гипотеза утвердилась в пушкиноведении, а стихотворение получило более узкую датировку — апрелем 1830 года, вероятно, около 26 апреля — на основании биографических данных. Единственное, что вызывало сомнение (даже побуждало вернуться к гипотезе о Нащокине¹⁰), это слова про «домик малый»: купленный Погодиным дом на Мясницкой был очень велик. Впрочем, Цявловский предусмотрел этот вопрос и предположил, что «домиком малым» Пушкин мог назвать описанный в письме мезонин. О.С. Муравьева высказала также обоснованное предположение, что слова «домик малый» могли относиться к условной топике дружеского послания, ориентированной на «Мои Пенаты» (1811) К.Н. Батюшкова [3, с. 360].

Все это выглядит весьма правдоподобно, однако, как кажется, существует ряд обстоятельств, противоречащих гипотезе об адресации стихотворения Погодину. Первое, что бросается в глаза, — довольно отстраненный деловой тон всех пушкинских кратких записок Погодину 1830 года. Пушкин обращался к нему исключительно на Вы и явно держал дистанцию. Ни малейшего намека на ту дружескую теплоту и близость, которой проникнуто «Новоселье», в его отношении к Погодину не было. Это соображение может быть отведено ссылкой на все ту же стилистику дружеского послания, допускавшую более дружеский тон, чем в жизни, и обращение на «ты» к адресату, с которым в жизни автор на «вы».

Однако есть и другое обстоятельство, которое объяснить значительно сложнее. Как известно, Погодин вел дневник, где постоянно и скрупулезно отмечал встречи с Пушкиным, прочитанные и услышанные пушкинские стихи, суждения и т. д. При этом он ни словом не обмолвился о стихотворении Пушкина, адресованном лично ему и, возможно, подаренном ему на новоселье. Погодин не упомянул этого знаменательного для него факта ни в дневнике, ни в переписке, ни в разговорах¹¹ — иначе бы сведения об адресате стихотворения каким-то образом проникли в переписку пушкинского окружения и должны были дойти до Анненкова, по крупицам собиравшего для

¹⁰ См.: [4]. Однако, как кажется, исследовательница не добавляет веских аргументов в пользу этой гипотезы.

¹¹ Утраченная тетрадь, куда Погодин заносил разговоры с Пушкиным (см.: А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 2. С. 376), также едва ли содержала подобную информацию: все же посвящение стихотворения — скорее событие личного плана, чем тема беседы. Впрочем, гадать о том, что было или не было в утраченной тетради, как кажется, довольно бессмысленно. Никаких следов «Новоселья» в сохранившихся многочисленных источниках, связанных с Погодиным, не обнаруживается.

комментария и «Материалов к биографии» сведения от современников и знакомых поэта.

Эти обстоятельства заставляют задаться вопросом, не было ли в Москве в 1830 году другого новоселья, которое могло взволновать Пушкина и побудить к написанию стихов?

В связи с этим неизбежно возникает вопрос о датировке стихотворения. Единственный его автограф (ПД 127) находится на том же листе, что и «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...»), обе записи сделаны, по-видимому, в один день — а «Элегия» помечена 8 сентября 1830 г.¹² Предполагалось, что перебелка написанного ранее «Новоселья» была связана с подготовкой публикации в альманахе «Сиротка». Однако, если не привязывать момент его создания к новоселью Погодина, то резонно предположить, что стихотворение, никаких следов которого не обнаруживается в более ранних автографах, могло быть написано примерно в то же время, когда переписано набело. Пушкин к этому моменту только что прибыл из Москвы в Болдино, 7 сентября помечены первые болдинские автографы — не привез ли он с собой черновик свеженанписанного стихотворения, которое перебелил в Болдине, или уже тут письменно зафиксировал недавний московский замысел? Как известно, многие черновики текстов, как созданных, так и перебеленных в Болдине, не сохранились, так что отсутствие каких бы то ни было следов «Новоселья» в бумагах Пушкина до осени 1830 г. говорит в пользу того, что это стихотворение либо было взято в Болдино для перебелки, либо написано прямо там.

Приезду поэта в Болдино непосредственно предшествовало событие, сильно взволновавшее Пушкина и занимавшее его мысли и само по себе и в связи с перспективой собственной свадьбы. Речь идет о смерти его дядюшки Василия Львовича. И тут вспоминается второе (а для поэтического языка элегической школы, возможно, и первое) значение слова «новоселье» — переселение в мир иной.

У Пушкина новоселье в значении смерти возникает в стихах разного времени. В лицейском послании «К Н. Г. Л<омонос>ову» в 1814 г. он пишет:

Когда ж пойду на новоселье
(Заснуть ведь общий всем удел),
Скажи: «Дай бог ему веселье!
Он в жизни хоть любить умел» [8, т. 1, с. 53]¹³.

¹² См. описание автографа, подготовленное Т.И. Краснобородько: [2, с. 34–35].

¹³ Заметим, что уже в этом стихотворении «новоселье», очевидно обозначающее

В 1817 г. в стихотворении «Кривцову»:

Не пугай нас, милый друг,
Гроба близким новосельем:
Право, нам таким бездельем
Заниматься недосуг [8, т. 2, кн. 1, с. 18].

Но и существенно позже это значение слова остается для него актуальными — вспомним «Бородинскую годовщину», созданную 5 сентября 1831 г., то есть ровно через год после «Новоселья»:

Но долгоденствует сон гостей
На тесном, хладном новоселье,
Под знаком северных полей [7, т. 3, кн. 1, с. 273].

Этот ряд можно продолжить, а также добавить примеры из стихов других поэтов, близких Пушкину по времени и кругу; ограничусь одним, наиболее характерным из стихотворения Баратынского «Элизийские поля» («Бежит неверное здоровье...») 1821 г.:

Я не страшуся новоселья;
Где б ни жил я, мне все равно:
Там тоже славить от безделья
Я стану дружбу и вино¹⁴.

В нем важно, во-первых, то, что «новоселье» никак не поясняется (никакими дополнительными определениями, типа «хладное», «роковое» или «гроба») — поэт исходит из того, что значение слова очевидно и так. Во-вторых, смерть здесь именно равна переселению в новый дом, где все будет по-прежнему, только еще лучше, чем в доме земном. Таким образом, очевидно, что в кругу поэтических ассоциаций Пушкина и его современников в принципе приравливание смерти к новоселью не требовало специальных пояснений и оговорок.

Теперь обратимся к контексту, в котором появляется автограф пушкинского стихотворения. Переписанный в Болдине текст помечен «Москва» — это очень характерная для Пушкина помета, возникавшая в тех случаях, когда стихотворение было связано

смерть, рифмуется с «весельем», ожидающим поэта за гробом.

¹⁴ Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. С. 187.

с определенными событиями и эта связь была поэту важна. Вспомним, к примеру, стихотворение «Герой», написанное тогда же в Болдине, связанное с приездом Николая I в холерную Москву и помеченное «29 сентября 1830 Москва». 20 августа в Москве умирает дядюшка Василий Львович, племянник присутствует при его последних минутах, о чем Вяземский сообщает жене: «Пушкин был тут во все время, благопристойен и тронут»¹⁵. Следующие дни он занимается похоронами. Тем самым, помета в автографе «Москва» может прочитываться как мемориальная отсылка к событиям этих дней.

Жизнь в это время представляется ему в мрачных тонах: после ссоры с будущей тещей он не уверен, что свадьба его в принципе состоится, а из-за траура по дядюшке она в любом случае откладывается. В таком расположении духа Пушкин уезжает в Болдино; 7 сентября помечены первые болдинские автографы — «Бесы», «Делибаш» и перебеленный «Аквилон», написанный еще в Михайловской ссылке. Нетрудно заметить, что в каждом из них присутствует смерть (бесы хоронят домового, Аквилон валит горделивый дуб, финал «Делибаша» — торжество смерти). На следующий день на одном и том же листе пишутся «Элегия», содержащая слова «Но не хочу я, други, умирать. / Я жить хочу, чтоб мыслить и мечтать» (так эти строки читаются в болдинской рукописи — с вариантом «Но не хочу еще я умирать» [7, т. 3, кн. 2, с. 838]), и «Новоселье». В довершение тематического единства на следующий день, 9 сентября, Пушкин пишет «Гробовщика» с его мертвецами на новоселье. По завершении повести на том же листе он записывает знаменитую поговорку Святогорского игумена Ионы «[А вот] то будет что и нас не будет» [8, т. 9, кн. 1, с. 147]. Как видим, плотность смертной и похоронной тематики вокруг «Новоселья» весьма высока. Странно было бы предположить, что в таком контексте и в таком состоянии души Пушкин вдруг решает перебелить незначительный поздравительный стишок, написанный еще в апреле по случаю.

Теперь обратимся к топике самого стихотворения.

Бросается в глаза, что «Новоселье» переполнено общими местами дружеских посланий арзамасского круга. «Домик», появившийся у Батюшкова в «Моих Пенатах»¹⁶, перешедший в ответное послание к Батюшкову Жуковского и в «Городок» (1815) Пушкина, стал

¹⁵ Звенья. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 6. С. 312.

¹⁶ Разумеется, «домики» в поэзии встречались и до «Моих Пенатов», но именно начиная со стихотворения Батюшкова они обрели значение не просто скромного жилья на лоне природы, а места счастливого труда и дружеского веселья поэтов.

настолько общим местом, что нет смысла даже перечислять «домики» в разных стихах — и «домик» в этой парадигме однозначно воспринимается как приют поэта, где властвуют душевное веселье, свободный труд¹⁷ и сладкий мир, куда закрыта дверь злым невзгодам, где царствуют личные Пенаты и кумиры¹⁸. С «ленью вялой» в этом контексте вопрос более сложный — в принципе, лень в этой поэтической парадигме скорее воспринималась как неизменная спутница уединенного поэта наряду с радостным свободным трудом. К запрету лени в «Новоселье» мы вернемся несколько позднее.

В общих чертах идиллия в «домике» поэта, описанная многократно, выглядит примерно как в послании Жуковского «К Батюшкову» («Сын неги и веселья...», 1812):

свобода,
Животворящий труд,
Веселие досуга
Близ милых и друга
И пенистый сосуд

И там же:

Вхожу в твою обитель:
Здесь весел ты с собой,
И, лени друг, покой
Дверей твоих хранитель¹⁹.

Однако есть и другая сторона этой топики. Здесь я вступаю на довольно зыбкую почву интуиции, но, как кажется, «перенос» домашнего кумира, веселья, свободного труда и сладкого мира в новый дом — слишком возвышенное, метафизическое и торжественное перемещение для простого переезда в новокупленное жилье. Здесь присутствует ощущение некоторой элегической пограничности и свойственной элегической школе открытости тому, что ждет за гранью бытия. Именно там веселью уже окончательно перестают угрожать злые заботы, труд свободен, а мир сладок. Там возможно состояние счастья («Ты счастлив»). Отчасти это подтверждается

¹⁷ Именно в посланиях и элегиях Жуковского и его круга труд становится соседом веселья и свободы, а не тяжким бременем или подвигом.

¹⁸ Ср. у Пушкина: «А свобода, мой кумир, / За столом законодатель» («Веселый пир», 1819).

¹⁹ Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем. М.: Языки славянской культуры, 2000. Т. 1. С. 197, 187.

ореолом «маленького дома» (или чаще «тесного дома») как обозначения гроба²⁰. Разумеется, в этом случае основным остается значение малого домика как приюта поэта, но гробовая коннотация кажется также возможной как маркер границы.

На следующий день после перебелки «Новоселья» Пушкин опишет прозаический переезд героя в новый дом: «Последние пожитки гробовщика Адриана Прохорова были взвалены на похоронные дроги, и тощая пара в четвертый раз потащилась с Басманной на Никитскую, куда гробовщик переселялся всем своим домом. Заперев лавку, прибил он к воротам объявление о том, что дом продается и отдается внаймы, и пешком отправился на новоселье. Приближаясь к желтому домику, так давно соблазнявшему его воображение и наконец купленному им за порядочную сумму, старый гробовщик чувствовал с удивлением, что сердце его не радовалось. Переступив за незнакомый порог и нашед в новом своем жилище суматоху, он вздохнул о ветхой лачужке, где в течение осьмнадцати лет всё было заведено самым строгим порядком» [8, т. 9, кн. 1, с. 28] — и тут же следует описание «злых забот», поджидающих Адриана Прохорова в новом домике. Контраст описаний двух разных переселений очевиден. Однако, если действительно «Новоселье» закончено накануне и связано с темой смерти, то «домик» и «ветхая лачужка» гробовщика также получают дополнительные «элегические» коннотации.

Если «Новосельем» Пушкин прощался с дядюшкой, то становится понятным то, что стихотворение настолько пронизано духом и лексикой посланий круга Батюшкова и Жуковского — то есть, того поэтического языка, который к 1830 г. уже не был характерен для пушкинской поэзии²¹, но который был общим для дяди и племянника и отсылал к золотому веку их поэтической близости. Едва ли этот язык был актуален и релевантен для Погодина и поздравления ему.

Однако в пушкинском стихотворении есть фрагмент, несколько выпадающий из этой стилистики и топики. Речь идет о последних полутора строчках («От <...> лени вялой / Застраховал, как от огня»). Как уже говорилось, лень возникает в не совсем привычном для описываемой поэтической системы контексте — и еще более странно выглядит на этом фоне прозаизм последнего стиха «застраховал,

²⁰ Вспомним в «Людмиле» (1808) Жуковского: «Близ Наревы дом мой тесный», или в «Ольге» (1816) Катенина: «“Как живешь? скажи неместно; / Что твой дом? велик? высок?” / — “Дом — землянка”. — “Как в ней?” — “Тесно”».

²¹ Показателен в этом плане контраст веселья и свободного труда в «Новоселье» — и слов «Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе / Грядущего волнующее море» в написанной в тот же день на том же листе «Элегии» («Безумных лет угасшее веселье...»). Здесь значение слова «труд» очень далеко от принятого в дружеских посланиях арзамасского круга.

как от огня». Но, похоже, что как раз эти странные полторы строчки могут служить если не доказательством, то, во всяком случае, некоторым подтверждением гипотезы о том, что «Новоселье» обращено именно к Василию Львовичу. Во-первых, в 1827 г. В. Пушкин написал эпиграмму «Умиравший ленивец»:

Ленивец Клим, к Харону отправляясь,
«Как счастлив я! — сказал своей жене. —
Приходит смерть; с заботами прощаясь,
В земле лежать не трудно будет мне»²².

Здесь важно и «Как счастлив я!», занимающее в стихе место, аналогичное пушкинскому «Ты счастлив», и ленивец, и заботы. Умирая, поэт застраховал свой «домик малый» и от осужденной им лени и от забот, докучавших не только ленивцу, но и ему самому.

Но еще более красноречивой представляется отсылка к другому стихотворению дядюшки. Речь идет о басне «Преимущество дарованний», в которой богатый откупщик хвалится перед бедным поэтом роскошью своего огромного дома, своими обедами и богатством, смеясь над убогим жилищем, скудной пищей и недостаточной одеждой поэта. Концовка басни следующая:

Бедняк не отвечал ни слова.
Война отмстила за него:
Дом богача сожжен и всё его именье.
Поэт не потерял войною ничего!
Талант его, воображенье
И благородный дух, бесценный дар небес,
В стране другой нашли награду и почтенье.
На чьей же стороне, скажите, перевес?²³

В контексте нашего сюжета соблазнительно думать, что «в стране другой» — это в ином мире, но, хотя такой вариант кажется вполне обоснованным (поскольку до войны поэт бедствовал в собственной стране), все же в источнике, на который опирался В. Пушкин, басне Лафонтена «L'Avantage de la science» («Преимущество науки») герои просто вынуждены покинуть свой сожженный войной город и искать пристанища в других городах (а не странах). Василий Львович создал

²² Пушкин В.Л. Стихотворения / под ред. С.И. Панова. СПб.: Гиперион, 2005. С. 182 (курсив мой).

²³ Там же. С. 92 (курсив мой).

вольный перевод Лафонтена (в частности, заменив ученого поэтом), так что и смещение смысла от другого города к «стране другой» в принципе возможно. Но даже если и не принимать такого прочтения, поэт, не потерявший ничего, явно лучше «застраховал» свой «домик малый», чем пострадавший от огня богач, потерявший все.

В «Новоселье» есть и еще одна перекличка с творчеством Василия Львовича — и, как кажется, эта перекличка поддерживает версию похоронной элегичности пушкинского стихотворения, вопреки его, казалось бы, несколько легкомысленному и почти шутивому тону. Речь идет об истории, связанной с другой «прощальной элегией», гораздо менее «благопристойной» — с «Элегией на смерть Ан<ны> Льв<овны>» («Ох, тетинька! ох, Анна Львовна...»), написанной Пушкиным и Дельвигом в 1825 г. на смерть сестры В.Л. Пушкина. Как известно, эта шутивная «Элегия» сильно задела Василия Львовича и вызвала длительную ссору его с племянником, которую друзьям и близким удалось прекратить только через год (см.: [1]). Особенно болезненными для дядюшки были последние четыре стиха:

Увы! зачем В<асилий> Л<ьвович>
Твой гроб стихами обмочил,
Или зачем подлец попович
Его Красовский пропустил! [8, т. 3, кн. 1, с. 140]

Стихи, которыми «обмочил» гроб Анны Львовны Василий Львович, были напечатаны в «Полярной звезде» на 1825 год и назывались «К ней» (вспомним опущенный при публикации первоначальный заголовок «Новоселья» «К *»). Само же стихотворение содержало следующие строки:

Где ты, о ангел добротой?
Дай мне туда *переселиться*!
Там плача и вздыханий нет,
Там тихий, не вечерний свет
Для добродетельных сияет!²⁴

²⁴ Пушкин В.Л. Стихотворения. С. 176 (курсив мой). Отметим, что тогда же в «Дамском журнале» были помещены стихи П.И. Шаликова «К Василию Львовичу Пушкину. На кончину сестры его, Анны Львовны Пушкиной» (1824. Ч. 8. № 22. С. 128–130), содержавшие следующие строки:

Она благ истинных в нетленном там венце!..
А *здесь* — что прочного? Что верно? Что не ложно?..
Кто к милым существам привязан в жизни сей,
Тому, не умерев, быть счастливым не можно... (курсив автора, подчеркнуто мной).

Пушкин раздраженно следил за стихотворными оплакиваниями Анны Львовны и с досадой откликнулся на стихи Шаликова в письме к брату от 4 декабря 1824 г.:

Тем самым, речь о переселении (и, соответственно, новоселье) и даже, опосредованно (через Шаликова), о счастье этого переселения в похоронно-элегическом контексте также может быть прочитана как прямая перекличка Пушкина с Василием Львовичем — причем перекличка отчасти покаянная. В 1825 г. слезливые стихи дядюшки и в целом стремление его и его друзей обнажать в стихах перед публикой личное горе²⁵ вызвали у племянника раздражение и побудили к написанию обидной «Элегии». Пять лет спустя, над свежей могилой Василия Львовича, он прикасается к этим стихам деликатно и даже с некоторой торжественностью, хотя и не без свойственной его отношениям с дядюшкой легкой иронии²⁶. Но первоначальный заголовок, который мог прочитываться как прямая отсылка к элегии Василия Львовича, при печати он снимает, чтобы самому ненароком публично не «обмочить» стихами этой могилы. Однако совсем не откликнуться на смерть своего «парнасского отца» (а никаких иных стихов, посвященных кончине Василия Львовича, не выявлено) для Пушкина было бы странно — и такая небольшая прощальная элегия, написанная на общем для дяди и племянника поэтическом языке с отсылкой непосредственно к стихам покойного, могла стать вполне приличествующим и не слишком откровенным прощаньем, соответствующим характеристике Вяземского «благопристойен и тронут».

Литература

1. Балакин А. Ю. Александр Сергеевич Пушкин и его тетушка (Контуры одной историко-литературной проблемы) // Балакин А.Ю. Близко к тексту: Разыскания и предположения. СПб.: Пальмира, 2017. С. 43–54.

2. Временник Пушкинской комиссии. Вып. 35: Болдинские рукописи Пушкина 1830 года: Научное описание / сост. Т.И. Краснобородько, С.Б. Федотова. СПб.: Росток, 2021. 261 с.

3. Муравьева О.С. «Новоселье» // Пушкинская энциклопедия. СПб.: Нестор-История, 2017. Вып. 3. С. 359–361.

«В сущности, я всегда любил тетку, и мне неприятно, что Шаликов обмочил ее могилу» [7, т. 13, с. 127] — как видим, именно в связи с ними он первоначально употребляет выражение «обмочил могилу», перешедшее затем в «Элегию» — уже в адрес Василия Львовича.

²⁵ О проницаемости и подвижности границы между поэзией и жизнью, свойственной поколению В.Л. Пушкина и вызывавшей иронию у следующих поколений, см.: [6, с. 53].

²⁶ Возможно, что и публикация стихотворения в альманахе, выпущенном в пользу сирот, чьи родители умерли в эпидемию холеры, отчасти поддерживает прощально-элегическое его прочтение. Так или иначе, в этот в принципе весьма представительный альманах, приношения в который сделали лучшие авторы, Пушкин предложил кроме «Новоселья» очень важный и личный для него сонет «Мадона» — едва ли наряду с ним он бы стал печатать в «Сиротке» поздравительный стишок, написанный приятелю по случаю.

4. Назарова Г.И. Адресат стихотворения Пушкина «Новоселье» // Пушкинский музей. Альманах. СПб., 1999. Вып. 1. С. 144–150.

5. Назарова Г.И. «Нашокинский домик» // Пушкин и его время. Исследования и материалы. Вып. 1. Л., 1962. С. 502–507.

6. Панов С.И. Стихотворец со Старой Басманной // Ново-Басманная, 19 / сост. Н.А. Богомолов. М.: Художественная литература, 1990. С. 39–59.

7. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949.

8. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 20 т. СПб.: Наука, 1999 –

9. Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М.: Изд. АН СССР, 1962. 432 с.

Research Article

Who Moved and Where. The Recipient of Pushkin’s “Housewarming”

© 2026, Tatyana A. Kitanina

Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article examines the context and intended audience of A.S. Pushkin’s poem “Housewarming,” which is dated “Moscow, 1830” in the author’s autograph. It has become standard practice in Pushkin studies to associate these verses with the purchase by the writer and historian M.P. Pogodin of Prince Tyufyakin’s house on Myasnitskaya Street, especially since Pushkin attended Pogodin’s housewarming in April 1830. However, the author of this article proposes a different interpretation of the poem—as a poetic response to the death on August 20, 1830, of Pushkin’s uncle, Vasily Lvovich, whom the poet-nephew accompanied to his “final housewarming” at the Donskoy Monastery cemetery. The article analyzes the autograph’s place within the collection of Boldino manuscripts, its poetics, and its literary and biographical connections.

Keywords: Pushkin studies, V. L. Pushkin, scholarly commentary, addressee of the poetic text, dating.

Information about the author: Tatyana A. Kitanina — PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5867-8090>

E-mail: tkitanina@gmail.com

For citation: Kitanina, T.A. “Who Moved and Where. The Recipient of Pushkin’s ‘Housewarming.’” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (40), 2026, pp. 277–290. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-277-290>

References

1. Balakin, A.Ju. “Aleksandr Sergeevich Pushkin i ego tetushka (Kontury odnoj istoriko-literaturnoj problemy)” [“Alexander Sergeyevich Pushkin and His Aunt (Outlines of a Historical-Literary Problem)”]. Balakin A.Ju. *Blizko k tekstu: Razyskanija i predpolozhenija* [Close to the Text: Research and Hypotheses] St. Petersburg: Palmira Publ., 2017. pp. 43–54. (In Russ.)
2. *Vremennik Pushkinskoj komissii* [Annals of the Pushkin Commission], issue 35: Boldinskie rukopisi Pushkina 1830 goda: Nauchnoe opisanie [Pushkin's Boldino Manuscripts of 1830: A Scholarly Description], comp. by T.I. Krasnoborodko, S.B. Fedotova. St. Petersburg: Rostok Publ., 2021. 261 p. (In Russ.)
3. Murav'eva, O.S. “Novosel'e” [“Housewarming”]. *Pushkinskaja jenciklopedija* [The Pushkin Encyclopedia]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2017, issue 3, pp. 359–361. (In Russ.)
4. Nazarova, G.I. “Adresat stihotvorenija Pushkina ‘Novosel'e’” [“The Addressee of Pushkin's Poem ‘Housewarming’”]. *Pushkinskij muzeum. Al'manah* [Pushkin Museum. Almanac]. St. Petersburg, 1999, issue 1, pp. 144–150. (In Russ.)
5. Nazarova, G.I. “Nashhokinskij domik” [“The Nashchokinsky Cottage”]. *Pushkin i ego vremja. Issledovanija i materialy* [Pushkin and His Time. Studies and Materials], no. 1, Leningrad, 1962, pp. 502–507. (In Russ.)
6. Panov, S.I. “Stihotvorec so Staroj Basmannoj” [“The Poet from Staraia Basmannaya”]. *Novo-Basmannaja, 19* [Novo-Basmannaya, 19], comp. by N.A. Bogomolov. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1990, pp. 39–59. (In Russ.)
7. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenij: v 16 t.* [Complete Works: in 16 vols.]. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1937–1949. (In Russ.)
8. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenij: v 20 t.* [Complete Works: in 20 vols.]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1999. (In Russ.)
9. Tsyavlovsky, M.A. *Stat'i o Pushkine* [Articles on Pushkin.]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1962. 432 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 07.02.2026
Одобрена после рецензирования: 20.04.2026
Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 07.02.2026
Approved after reviewing: 20.04.2026
Date of publication: 25.06.2026